

дываются в глубокой древности, но первоначально, как учит товарищ Сталин, язык еще был со скудным словарным фондом и с небольшим словарным составом»⁶³.

В современных же языках, если взять количественное соотношение по словарю, процент слов основного словарного фонда не велик. При этом следует заметить, что чем развитее язык, тем процент слов основного словарного фонда по отношению ко всему словарному составу будет меньшим, потому что словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения, причем изменяется словарный состав преимущественно в сторону пополнения, следовательно, непрерывно возрастает, а основной словарный фонд, хотя и изменяется, но крайне медленно, следовательно, с развитием языка он занимает в словарном составе языка количественно — по отношению к остальному словарному составу — все меньшее место. Ту же мысль находим у П. Я. Черных: «Чем дальше идет время, тем все сильнее увеличивается разница в объеме между словарным составом языка и основным словарным фондом»⁶⁴.

Богатая синонимика — один из показателей развитого, богатого языка. Однако большинство синонимов остается за пределами основного словарного фонда. «Из синонимического ряда только ведущий, общенародный синоним (доминанта) входит в основной словарный фонд языка, остальные же синонимы входят в лексические слои за пределами основного словарного фонда»⁶⁵.

В. В. Виноградов точнее формулирует вопрос о вхождении синонимов в основной словарный фонд: «... основному словарному фонду присуща, главным образом, синонимия и деографическая, т. е. связанная с оттенками значений и понятий. Между тем в общем словарном запасе преобладает синонимия стилистическая, т. е. отражающая богатство речевых стилей общенародного языка»⁶⁶.

Следовательно, развитие богатств словарного состава приводит к тому, что увеличивается в количественном и процентном отношении та часть словарного состава, которая не входит в основной словарный фонд.

Не следует, однако, смешивать процентное отношение основного словарного фонда ко всему словарному составу в целом с местом и удельным весом основного словарного фонда в речи, так как в речи слова основного словарного фонда употребляются значительно чаще других слов и занимают ведущее место.

*

Грамматический строй и основной словарный фонд составляют основу языка. Именно грамматическим строем и основным словарным фондом в первую очередь создаются различия между отдельными языками. Поэтому-то выяснение вопроса о границах и особенностях основного словарного фонда существенно и необходимо не только для изучения лексики языка, но и для понимания структуры всего языка в целом.

Н. А. Янко-Триницкая

Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке. [Сб. докладов, прочитанных на конференции, состоявшейся в феврале 1951 г. в Ташкенте.] — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1952. 188 стр. (Отд-ние гуманитарных наук.)

Сборник открывается статьей М. Т. Айбека «Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и изучение языков народов Средней Азии и Казахстана», в которой дан сжатый обзор культурных достижений народов Средней Азии и Казахстана, возрожденных к новой жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. Автор верно указывает на то, что «перестройка языковедческой работы в республиках Средней Азии и Казахстана проходит недостаточно интенсивно». М. Т. Айбек выдвигает перед языковедами Средней Азии и Казахстана следующие первоочередные задачи: изучение словарного состава языка и усиление лексикографической работы, составление школьных и научных грамматик на основе сталинского учения о языке, усиление диалектологической работы, особенно изучение территориально смежных диалектов.

В обстоятельной и содержательной статье проф. А. К. Боровкова «Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по

⁶³ Р. А. Будагов, указ. соч., стр. 23.

⁶⁴ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, стр. 284.

⁶⁵ Е. М. Мельцер, указ. соч., стр. 30.

⁶⁶ В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания, стр. 70.

вопросам языкознания» дан анализ ошибок, допущенных под влиянием теории Н. Я. Марра тюркологами Средней Азии и Казахстана в их работах. (Аналогичная статья того же автора помещена в т. IV «Ученых записок Ин-та востоковедения АН СССР», М., 1953). Автор подвергает обстоятельной критике труды видного тюрколога проф. А. П. Поцелуевского, отдавшего весьма щедрую дань и палеонтологическому анализу, и теории стадиальности Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова. А. К. Боровков правильно указывает на недопустимую архаизацию туркменского языка, к которой пришел А. П. Поцелуевский под влиянием теории стадиальности (стр. 12). Конкретным выражением подобной архаизации, которой грешили и некоторые другие тюркологи, явилась ошибочная теория о происхождении человеческой речи из выкриков, обращенных к домашним животным и птицам для их приманивания или понукания.

Другим выражением той же тенденции явилось «открытие» А. П. Поцелуевским в туркменском языке «инкорпорированных» предложений, его схема стадиального развития туркменского языка от «слов-монолитов» («слов-выкриков») через «инкорпорированные слова-предложения» и «квази-эргативные предложения» к современному номинативному предложению.

С теорией стадиальности связан, как верно отмечает А. К. Боровков, и получивший распространение среди известной части тюркологов взгляд на тюркские языки как на «переходные» от агглютинативной «стадии» к флективной. Наиболее ясное выражение эта точка зрения получила в трудах А. П. Поцелуевского, в ранних работах С. А. Аманжолова (Казахстан) и И. А. Батманова (Киргизия). А. К. Боровков указывает на крайнее однообразие и скудость научных доказательств, которые приводили в защиту «переходного» состояния тюркских языков сторонники названной точки зрения. В арсенале доказательств значились случаи ассимиляции и стяжения вторичной долготы, редукции и наделения безударных гласных и т. п. Следует однако, сказать, что перечисленные явления ни в одном тюркском языке не имеют последовательного универсального характера, а главное — науке неизвестны случаи, когда эти процессы приобрели бы грамматическое значение. Игнорированием фактов в связи с увлечением теорией стадиальности развития языка были порождены критикуемые А. К. Боровковым заявления о «прежиточности», «доисторичности» полисемантизма ряда основ в тюркских языках.

Как указывает А. К. Боровков, в трудах тюркологов Средней Азии и Казахстана нашла отражение и пресловутая теория скрещения. Некоторые из языковедов-тюркологов — И. А. Батманов и др. — настаивали, например, на скрещенном характере киргизского языка, возникшего якобы в недавнем прошлом из различных племенных языков. Аналогичную точку зрения развивали также в отношении казахского языка С. А. Аманжолов и Ж. Д. Доскараев и туркменского — А. П. Поцелуевский. «Искусственно был усложнен и запутан вопрос об общенародных языках в Таджикистане и Узбекистане», — говорит А. К. Боровков (стр. 28). Между тем, указывает он, уже В. В. Радлову в 80-х годах прошлого столетия был ясен общенародный характер узбекского языка.

В заключение автор останавливается на своих собственных иллюзиях относительно якобы материалистического характера теории классовости и стадиальности развития языков. «„Новое учение о языке“ Н. Я. Марра и его „учеников“ принесло невероятную путаницу и неразбериху и в область изучения языков народов Средней Азии и Казахстана», — говорит А. К. Боровков. — И. В. Сталин указал нам путь развития советского языкознания...» (стр. 29).

Ценная и содержательная статья А. К. Боровкова не исчерпывает темы, поскольку материалы, приведенные автором, ограничены пределами Средней Азии и Казахстана. Ошибки, допущенные некоторыми лингвистами Средней Азии и Казахстана, типичны вообще для последователей или поклонников Н. Я. Марра из среды тюркологов.

Не всегда, однако, автор прав, квалифицируя отдельные сомнительные или спорные положения в работах некоторых тюркологов в качестве марровских ошибок. Правильно возражая, например, против необоснованной формулы И. А. Батманова о «доисторическом тождестве имени и глагола» в тюркских языках, А. К. Боровков вместе с тем преуменьшает значение весьма заметных по количеству (а не «отдельных», как он говорит) фактов омонимии именных и глагольных основ в самых различных тюркских языках. Едва ли можно связать с теорией Н. Я. Марра, например, сопоставления вроде казахского *данк* «слава» и иранского *дан* «знать» или неправильное толкование состава значений в сложном киргизском слове *бозуй*, так же как и произвольное предположение об акцентуационном происхождении древнетюркских долгот или возведение некоторых словообразовательных аффиксов к глаголу «делать» (что еще раньше было предложено Ф. Боппом для индоевропейских языков, как отмечает А. К. Боровков), наконец, соображения о глагольном происхождении казахских форм *солай*, *булай*, *олай*, местоименном происхождении показателя третьего лица повелительного наклонения и т. п.

Подобных необоснованных и торопливых соображений или предположений в тюркологии, к сожалению, не так уж мало. Их можно найти даже у выдающихся

ученых-тюркологов прошлого и настоящего. Атмосфера произвольного и бесцеремонного обращения с фактами, типичная для среды лингвистов, подпавших под влияние идей «нового учения» о языке, создавала весьма благоприятную почву для возникновения различных домыслов, построенных на весьма сомнительных основаниях.

Трудно согласиться с возражениями автора против широко известного и не-тюркологам положения об отсутствии граней между прилагательными и существительными в тюркских языках. Общеизвестно, что для более старой, в первую очередь морфологически неразложимой или образованной при помощи уже мертвых аффиксов именной лексики характерно отсутствие деления на существительные и прилагательные, прилагательные и наречия и даже на существительные, прилагательные и наречия. Наоборот, именные новообразования входят в словарь тюркских языков либо в качестве существительных, либо прилагательных. Все больше отделяются от прилагательных и наречия, приобретая свои формальные признаки. Следовательно, развитие тюркских языков характеризуется в рассматриваемом отношении растущей дифференциацией именных частей речи, в первую очередь дифференциацией словопроизводной. Как видно, тюркские языки свободно обходятся без «внешней флексии и категории грамматического рода имен», отсутствием которых А. К. Боровков объясняет формальное неразличение существительных и прилагательных в тюркских языках. Таким образом, становится ясным, что совпадение в одном слове значений существительного, прилагательного и наречия составляет более старое состояние тюркских языков.

Трудно также присоединиться к автору в его резко отрицательном отношении к явлениям «внутренней флексии», которой уделял столь серьезное внимание акад. Б. Я. Владимирцов; лингвистические взгляды его, как известно, не имели ничего общего с «новым учением» о языке Н. Я. Марра. Правильно критикуя попытки абсолютизации явлений «внутренней флексии» в тюркских языках, возведения их в закон, допускавшиеся некоторыми тюркологами, автор статьи вообще отказывается от признания многих случаев «внутренней флексии» в тюркских языках.

Ряд статей сборника посвящен вопросам лексикологии и терминологии. Статья проф. Н. Т. Саурабаева в а носит название «Изучение словарного состава казахского языка в свете трудов товарища Сталина». Расширенный вариант этой статьи помещался уже в сборнике «Вопросы казахского языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (Алма-Ата, 1951, на казахском языке); на аналогичную тему статья того же автора была напечатана в журнале «Халық мұғалімі» (Алма-Ата, 1951, № 4). Следует признать ценной попытку автора разобраться в процессах, протекающих в семасиологической сфере казахского словаря.

Содержательная и полезная статья Н. Т. Саурабаева не свободна, однако, от спорных, рискованных и порою ошибочных положений. Рискованным и чреватым ошибочными выводами является следующее положение автора: «Словарный состав языка является материальной основой языка. Грамматика же, в которой язык получает коммуникативную функцию, по существу базируется на лексике» (стр. 31). Можно ли согласиться с таким ограничением роли грамматики? Нам представляется, что нельзя. Нельзя потому, что грамматика лишается своей важнейшей познавательной сущности. Нельзя также потому, что сама грамматика является существенной и коренной частью «непосредственной действительности мысли» и, следовательно, «именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»¹. Отсюда ясно, что нельзя согласиться с противопоставлением словарного состава языка как материальной основы грамматики, на долю которой остается, как видно, лишь функция организации словесного материала.

Приходится признать неприемлемой также семасиологическую трактовку Н. Т. Саурабаевым общеизвестных фактов словообразования в духе так называемого закона «функциональной семантики». Среди иллюстраций «закона функции» автор приводит такие примеры, как *тұтқыш* «предмет для держания горячей вещи, хватка»; *ашытқы* «дрожжи»; *күрек* «лопата»; *төсек* «постель». Верно ли, что в этих словах заключено значение функции? Верно. Но это значение обусловлено не действием «закона функции», а заключено в значениях морфологических показателей *-ғыш*, *-қы*, *-к*, в разных звуковых вариантах известных в абсолютном большинстве тюркских языков. В приведенных автором примерах эти аффиксы служат для образования от глаголов *тұт-* «держать, хватать», *ашыт-* «дать прокиснуть, заквашивать», *төсе-* «расстилать» и *күре-* «сгребать» существительных со значением орудия, приспособления, предмета с известным назначением. В числе иллюстраций автора фигурируют также отглагольные существительные *жазушы* «писатель» и *тігінші* «портной», оба образованные при помощи показателя *-шы*, *-ші* со значением деятеля от глаголов *жаз-* «писать» и *тік-* «шить». Таким образом, зна-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 24.

чение и этого показателя близко к значению функции. Это относится и к приведенному автором сложному слову *көзайнек* «очки», восходящему к определительному сочетанию существительных *көз* «глаз, глаза» и *айнек* «стекло» = «стекло для глаз», т. е. «очки», поскольку в языках тюркской группы вообще — не только в казахском — определительное сочетание существительных между прочим передает также и название предмета. При чем же после всего сказанного семантический «закон функции»?

Обращает на себя внимание в статье некоторая нечеткость в отдельных случаях в обращении с терминами. «Марксизм не отрицает, — пишет автор, — реальности скрещивания, взаимосвязи языков, ибо нет народов, которые не соприкасались бы в своей истории с другими народами» (стр. 40). Очевидно, что здесь следовало бы говорить не о скрещивании, а о заимствовании.

Статья Б. М. Юнусалиева «К вопросу об исследовании лексики современного киргизского языка в свете сталинского учения о языке» близка по теме к предыдущей, но, в отличие от статьи Н. Т. Сауранбаева, носит характер первоначальной постановки вопроса. Б. М. Юнусалиев совершенно прав, уделяя особенное внимание корневым словам основного словарного фонда. Он так же, как и многие другие тюркологи, указывает на односложность и простоту корневых слов, обозначающих предметы и понятия, «... составляющие постоянную и жизненную необходимость человека...» (стр. 64), на их многозначность, на что обращает внимание и автор предыдущей статьи.

Представляется плодотворной и заслуживающей внимания мысль автора о том, что «необходимо знать не только историю изучаемого языка данного народа, но и историю материальной и духовной культуры других народов, так или иначе соприкасавшихся и взаимно оказывавших политическое, экономическое и культурное влияния, не говоря уже о родственных этнически и по языку народах» (стр. 67). Развивая свои соображения относительно заимствований и обращаясь к словарному составу современного киргизского языка и процессу его бурного обогащения, Б. М. Юнусалиев выдвигает для изучения следующие вопросы: 1) сферы заимствований; 2) формы заимствуемых слов и способы их освоения; 3) заимствование сложных слов и выражений; 4) неполные по форме заимствования; 5) неполное заимствование значений; 6) подчинение заимствованных слов грамматическим законам заимствующего языка; 7) связь лексического заимствования с фонетическим; 8) степень заимствования слов различными слоями населения.

Автор отводит надлежащее место живым словопроизводным приемам киргизского языка, указывая также на необходимость изучения мертвых и древнейших форм словообразования. В заключение своей нужной и своевременной статьи Б. М. Юнусалиев отмечает необходимость исследования основного словарного фонда в связи с грамматикой, «обуславливающей закономерность развития словарного фонда и словарного состава».

К статьям Н. Т. Сауранбаева и Б. М. Юнусалиева примыкает по своей теме актуальная статья А. У. Усманова «Вопросы узбекской научной терминологии в свете учения товарища Сталина о языке».

Громадным стимулом для терминологической работы, говорит А. У. Усманов, явилась необходимость переводов произведений классиков марксизма-ленинизма, особенно собраний В. И. Ленина и И. В. Сталина и труда И. В. Сталина «История ВКП(б). Краткий курс». В настоящее время узбекский язык имеет более или менее полно разработанную терминологию, главным образом в объеме средней школы. Кроме того, изданы терминологические словари по сельскому хозяйству, хлопководству, садоводству, виноградарству, праву, делопроизводству, общественно-политическим дисциплинам и по другим отраслям науки и техники. Однако подавляющее большинство названных терминологических словарей страдает крупными недостатками и даже грубыми ошибками; многие термины вошли в словари механически.

Как справедливо отмечает А. У. Усманов, за последние годы в терминологической работе в Узбекистане наблюдается разноречивость, мы бы добавили от себя — самотек и кустарщина. Многочисленные и яркие иллюстрации подтверждают правильную мысль автора. Главную причину неудовлетворительного состояния узбекской научной терминологии автор видит в «...неразработанности основных методологических положений и в отсутствии определенных научных принципов построения и упорядочения научной терминологии» (стр. 163). Но трудно понять, о каких еще методах и приемах терминологии может идти речь при наличии учения И. В. Сталина о словарном составе и его указаниях о заимствованиях. Нельзя сказать также, что терминологическая работа на местах ведется наощупь, грубо эмпирически. Конечно, в настоящее время требуется более углубленная теоретическая работа в области терминологии. И к чести автора следует сказать, что он не уклоняется в своей статье от активного участия в решении этой задачи. Однако основная причина ошибок и разноречивости в деле создания новых терминов заключается, как нам кажется, в том, что терминологическая работа в Узбекистане не достигла еще необходимой централизации и упо-

рядочения, что единственно могло бы положить предел кустарщине и авторскому произволу.

Для успешного развития терминологической работы, по мнению автора, необходимо избегать двух крайностей: излишнего введения в узбекский литературный язык арабских слов, а также архаизмов, к чему весьма склонны некоторые из ведущих узбекских писателей и поэтов, и употребления без надобности интернациональных слов, именуемых автором иностранными. Следует сказать, что если дальнейшая практика введения в литературный язык арабских слов и архаизмов может повернуть узбекских лексикографов на путь повторения старых националистических ошибок и потому требует бдительного отношения к себе, то с интернациональными словами дело обстоит иначе. Иллюстрации, которые, по мнению А. У. Усманова, должны показать неприемлемость второй тенденции, ничуть не убеждают сведущего читателя, и ссылка на известное возражение В. И. Ленина против злоупотребления иностранными словами в данном случае неуместна.

Другой крайностью в создании новых терминов А. У. Усманов считает замену соответствующими узбекскими переводами интернациональных и русских слов, давно укоренившихся в узбекской лексике. Автор справедливо ссылается при этом на Ф. Энгельса, который боролся против перевода «общепринятых научно-технических выражений».

В заключение своей статьи А. У. Усманов останавливается на общих принципах отбора и упорядочения научных терминов. Он считает, что для успешного решения проблем терминологии необходимы: 1) разработка рациональных систем однозначных терминов в различных областях знаний; 2) однозначность термина для определенной отрасли науки; 3) отбор наиболее рациональных из имеющихся терминов, создание новых в случае необходимости; 4) сохранение в узбекском языке общепринятых международных научно-технических терминов; 5) сохранение советских неологизмов типа *тахановец*, *колхоз*, *совхоз* и т. п.; 6) допустимость в определенных случаях синонимических терминов.

Статья Я. И. Калонгарова «Словарная работа в Таджикистане и ее задачи в свете сталинского учения о языке» имеет информационный характер. Автор останавливается на истории создания русско-таджикского и таджикско-русского словарей, начало работы над которыми относится к 1930 г. В качестве задач, стоящих перед таджикской лексикографией, автор называет: 1) исследования о путях обогащения словарного состава таджикского языка; 2) разработку принципов создания научной терминологии таджикского языка и ее унификацию.

Значительное место в сборнике занимают конкретные вопросы диалектологии. Среди них в первую очередь должна быть названа статья В. В. Решетова «Некоторые вопросы узбекской диалектологии», которая представляет собой извлечение из обстоятельной докторской диссертации В. В. Решетова о кураминских говорах Ташкентской области, успешно защищенной им осенью 1952 г. в Москве. Автор отмечает значительную работу, выполненную в Узбекистане, в области изучения народных говоров и диалектов узбекского языка, в итоге которой уже можно составить достаточно надежную схему узбекских диалектов. Узбекская диалектология находится пока еще на стадии диалектографии, справедливо отмечает автор. Впереди — громадная работа, для успеха которой определенное значение имеет как учет диалектологической работы в тюркоязычных республиках Средней Азии, так и опыт русских диалектологов. Изучению узбекских диалектов В. В. Решетов отводит важнейшую роль, против чего, конечно, не приходится возражать.

Особое место отводит автор узбекско-таджикским языковым связям. И тот и другой язык находятся в условиях весьма длительного исторического взаимодействия и это послужило основанием для появления двух взаимно-противоположенных теорий — об иранизованных тюрках и тюркизованных таджиках. По мнению В. В. Решетова, обе теории в равной степени неверны.

В конце своей статьи В. В. Решетов специально останавливается на проблеме опорного говора узбекского литературного языка. Следует сказать, что среди узбековедов существуют три точки зрения в вопросе о том, какой говор (или говоры) лежит или должны лежать в основе литературного языка: ташкентский, ташкентско-ферганские или ведущие городские говоры Узбекской ССР. В. В. Решетов стоит на первой точке зрения, но считает (как и другие), что ферганские морфологические элементы должны сохраняться в литературном языке. Как бы ни решался вопрос об опорном говоре узбекского литературного языка отдельными узбековедом, ясно одно, что окончательное разрешение этого наиболее важного вопроса возможно лишь при всестороннем и тщательном учете всех имеющихся данных по ведущим городским говорам Узбекской ССР.

Статья Ж. Д. Доскараева «Об изучении казахских диалектов» посвящена вопросу, вызвавшему продолжительные споры, в результате которых окончательно определились две крайние точки зрения: 1) точка зрения С. А. Аманжолова, считающего, что в казахском языке имеются три диалекта, унаследованные от языков или диа-

лектов трех племенных союзов («жузов») — Большой орды, Малой орды и Средней орды; 2) точка зрения Н. Т. Сауранбаева, по мнению которого в казахском языке ясно выраженных диалектов нет, а имеются окостеневшие остатки прошлых диалектных явлений и просторечные формы. Ж. Д. Доскараев занимает, так сказать, среднее положение между ними, но решительно отвергает концепцию С. А. Аманжолова.

В своей статье Ж. Д. Доскараев сообщает, что в результате ряда экспедиций в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР «... накоплены обширные материалы, на основе которых было выявлено наличие диалектов в казахском языке» (стр. 134). К сожалению, читатель должен верить автору на слово, так как в статье отсутствуют какие бы то ни было иллюстрации законов (а не единичных) соответствий между диалектами и литературным языком.

Возражая С. А. Аманжолову, признающему отдельные диалекты у каждого «жуза», Ж. Д. Доскараев ссылается при этом на то, что «жузы» не имели устойчивого племенного состава; единство племенных союзов часто нарушалось, и племена постоянно смешивались между собой; в подтверждение этого автор указывает на конкретные факты расселения племен на территории Казахстана и на переходные типы говоров. Ж. Д. Доскараев возражает также против ограничения характеристики диалектов одной лишь фонетической стороной.

Вызывают, однако, недоумение исторические выкладки автора. Повторяя версию о происхождении казахского языка из кыпчакского, Ж. Д. Доскараев не ставит законного вопроса — о каком кыпчакском языке идет речь. Древних кыпчакских языков в науке известно несколько, но неизвестен единый древнекыпчакский язык. Ж. Д. Доскараев относит сложение казахского языка к еще более ранним эпохам — ко времени образования древнейших племенных объединений уйсуней и канглы, о языках которых лингвистическая наука не имеет существенных сведений. Однако это не мешает Ж. Д. Доскараеву заявить, что изучение языковых особенностей уйсуней и канглы «имеет большое значение для казахской диалектологии, поскольку они принимали ближайшее участие в формировании казахского языка» (стр. 138—139). По каким источникам можно изучать языковые особенности названных племен, автор не сообщает.

Не более состоятельны лингвистические соображения Ж. Д. Доскараева, которые он приводит в пользу общности казахского языка и его диалектов с древнекыпчакским языком, о котором говорилось выше. Любой из выделяемых автором признаков найдется в большом числе других тюркских языков. Например, глагольная форма на *-мыш* в разной степени распространенности и в разных сферах употребления известна буквально на всем громадном пространстве расселения тюркоязычных народов. Она имеется в азербайджанском, гагаузском, турецком, узбекском, татарском, сельджукском, орхонском, древнесуйгурском и других языках. Форма на *-(й)асы* в азербайджанском образует целое наклонение, она засвидетельствована как форма будущего времени в старотурецком языке, в татарском она образует живую конструкцию типа *ашыйсым киле* «мне хочется есть», параллельную форме *-гым* или *-гум келади* в других языках, и т. д. Поэтому заключение Ж. Д. Доскараева о том, что «большинство признаков, указанных Махмудом Кашгарским как черт, свойственных кыпчакскому языку, можно наблюдать в говорах казахского языка» (стр. 139), с равным успехом можно приложить к большому числу других тюркских языков.

Статья Л. В. Успенской «Состояние и задачи таджикской диалектологии в свете учения И. В. Сталина о языке» начинается с небольшого очерка, в котором дана сжатая история изучения таджикского языка. Автор указывает на большой разворот исследований в области таджикского языка, с чем не может идти ни в какое сравнение аналогичная работа в дооктябрьское время. Далее автор переходит к собственно диалектологическим исследованиям в области таджикского языка и важнейшим различиям между его основными диалектами. В конце статьи, носящей в общем информационный характер, намечены очередные задачи в области диалектологии.

Грамматическим вопросам посвящены в сборнике статьи А. И. Исакова и Н. А. Баскакова. А. И. Исаков в статье «О классификации частей речи в казахском языке» вновь поднимает спорный и, можно сказать, наболевший в тюркологии вопрос о частях речи.

Опираясь на учение И. В. Сталина о грамматическом строе, А. И. Исаков предлагает при определении части речи выявлять присущую ей, как выражается автор, сумму лексико-грамматических форм, к которым А. И. Исаков относит и формы словопроизводства данной части речи. Так, например, для существительных предлагается следующая сумма признаков: изменимость по падежам, числам и лично-притяжательным формам, аффиксы словообразования существительных. Для прилагательных предлагаются в качестве критериев: показатели степеней сравнения, сочетание прилагательных с усилительными наречиями и специальные словопроизводные аффиксы прилагательных (стр. 129).

Таким образом, характеристика частей речи переводится автором полностью в сферу грамматики. Следует признать, что точка зрения А. И. Исакова, в которой чув-

ствляется определенной влияние идей акад. Л. В. Щербы, является плодотворной для дальнейшей разработки проблемы частей речи в тюркских языках. Однако мы не можем полностью игнорировать, как это фактически и делает А. И. Исакаев, наиболее общие значения слов, т. е. грамматическое значение предметности, признака и т. д. Оставаясь на словах сторонником и семантического, и грамматического критерия, А. И. Исакаев на деле оставляет в стороне семасиологическую характеристику, что таит в себе опасность выхолащивания всей схемы автора. Без семасиологического критерия ему не удастся, между прочим, отстоять свое совершенно правильное требование о выделении образно-подражательных слов как особой части речи.

А. И. Исакаев повторяет распространенное мнение о том, что «в тюркских языках, в том числе и в казахском, прилагательные формально, внешне не обособлены от наречий, как не обособлены они внешне и от существительных» (стр. 128). Это утверждение можно объяснить недоучетом лексического значения основ, от которых образуются именные части речи и благодаря которым прилагательные весьма четко обособляются от существительных. Судить, например, об аффиксе *-лыз* или *-лы* необходимо с учетом того значения «строительного материала», из которого образуются имена на *-лыз* или *лы*: от одних основ получаются существительные, от других прилагательные. И даже вне этого отношения уже можно, например, говорить о полном переходе образований на *-сыз* в разряд прилагательных; то же самое можно говорить о громадном большинстве образований на *-лы*. Впрочем сам автор через несколько строк после приведенной поддержки в числе грамматических признаков прилагательного упоминает «и специальные словообразующие аффиксы прилагательных от других частей речи (*малды*, *малсыз*, *малшыл* и др.)» (стр. 129). Что касается наречий, то в большинстве тюркских языков налицо рост словообразующего значения аффикса *-жа*, *-ча*, *-иа*, который, например, в азербайджанском вместе с производным от него аффиксом *-ласына* стал специальным показателем наречия образа действия, помимо большого количества омертвевших словоизменительных форм имен.

При исследовании именных частей речи (а иногда и глаголов) на практике, к сожалению, многие авторы не проводят различия между старыми и новыми словами, оставляя последние вне поля зрения. Именно эта тенденция в статье в значительной мере определила и подбор для рассуждений и выводов таких многозначных слов древнего образования, как *жаман*, *жақсы*, названия материалов и т. д. При таком подходе не учитываются факты современного структурного типа именных частей речи в целом, а отсюда становятся односложными и сами выводы.

В целом же интересная и серьезная статья А. И. Исакаева заслуживает внимания тюркологов и может быть предметом обсуждения широкой тюркологической аудитории.

Вторая статья на грамматическую тему — статья Н. А. Баскакова «Составные глаголы в каракалпакском языке» — посвящена более частному вопросу. Ограниченные размеры статьи, к сожалению, не позволили автору выяснить основной вопрос о критериях различия между описываемыми им составными глаголами и синтаксическими сочетаниями. Отсутствием таких критериев и объясняется в первую очередь некоторые спорные или ошибочные положения, которые вкратце в статью Н. А. Баскакова, в частности положение о сохранении следов логических и формальных отношений внутри составного глагола, элементы которого вместе с тем обозначают «единое лексическое целое». Едва ли законно называть составным глаголом предикативное словосочетание, внутри которого действуют смысловые и синтаксические отношения составных частей. Или в словосочетании сохранились живые синтаксические процессы — и тогда оно является предметом рассмотрения синтаксиса, или синтаксические процессы мертвы, словосочетание синтаксически нерасторжимо — и тогда оно является предметом рассмотрения лексикологии, откуда такое бы в ш е е словосочетание может быть привлечено в качестве материала для изучения процессов словообразования. Поэтому если верно, что в приведенных автором составных глаголах со вспомогательными глаголами конкретного значения сохранились синтаксические отношения или следы синтаксических отношений подлежащего и сказуемого, прямого дополнения и сказуемого и т. д. (стр. 90—92), то едва ли они могут рассматриваться в рамках словообразования в каракалпакском языке, чему посвящена статья Н. А. Баскакова.

Вряд ли можно согласиться также с включением в систему аналитического глагольного словопроизводства временных и модальных форм глагола, т. е. форм глагольного словоизменения, тем более а ф ф и к с а л ь н ы х форм типа *-ды*, *-ты*... < *-дыр*, *-тыр* < из *дурур*, *турур*. Среди языковедов-тюркологов нет расхождений относительно словоизменительного (грамматического) значения составных глагольных форм с недостаточным глаголом *и-*, *э-*, *эр-* (т. е. с формами *иди*, *эди*, *икен*, *экен*, *имши*, *эмши*, *исе*, *эсе*, *амес*, исторически также *-идук*). Н. А. Баскаков также разделяет общепринятую точку зрения, но исторически все эти формы он возводит к словообразовательным, оставляя свое положение без доказательств.

Нельзя, наконец, согласиться с включением в систему словообразования аналитических модальных форм, образованных из причастий или отглагольных имен в сочетании с глаголом *бол-*, т. е. форм *-ар, -ер, -р бол-, -маҳши бол-, -атуғун бол-* и т. д., так как они, по крайней мере в других тюркских языках, входят в систему глагольного спряжения.

В сборник вошли также итоговые, обзорно-информационные статьи, посвященные разным тюркским языкам Средней Азии и Казахстана.

В своей статье «История становления и развития узбекского национального языка» Ф. К. Камалов выдвигает следующие актуальные проблемы узбекского языкознания: 1) изучение истории узбекского языка по этапам его развития; 2) изучение местных диалектов и их роли в развитии единого общенародного узбекского языка; 3) сравнительное изучение узбекского языка и его взаимоотношений с другими тюркскими языками в историческом аспекте; 4) исследование развития узбекского языка за советский период; 5) определение степени влияния русского языка на развитие узбекского национального языка; 6) изучение путей создания единого национального литературного языка; 7) изучение истории узбекской письменности.

Видимо, не изжитыми до конца представлениями, внушенными «новым учением» о языке, объясняется следующее утверждение автора: «Необходимо учитывать, что языки тюркской системы не представляют единого происхождения, наоборот, каждый из них являет собой сложное своеобразное историческое образование, и они отличаются друг от друга по своему словарному составу и грамматическому строю» (стр. 44). Нетрудно разглядеть в приведенной выдержке положение о «схождении» языков «от множества к единству».

К. У. Убайдуллаев в статье «Об изучении каракалпакского языка в свете трудов товарища И. В. Сталина о языке» вкратце останавливается на истории изучения каракалпакского языка, начало которому было положено в советское время деятельностью С. Е. Малова, Н. А. Баскакова, А. С. Морозовой и Т. Б. Бекимбетова, и выдвигает следующие задачи перед исследователями этого языка: 1) на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания внимательно изучать лексику каракалпакского языка; 2) пересмотреть его орфографию; 3) создать терминологические словари по основным отраслям науки; 4) создать толковый словарь каракалпакского языка; 5) усилить работу в области диалектологии; 6) пересмотреть программы и пересоставить учебники по языку для средних школ.

В своей статье «К вопросу об изучении уйгурского языка» А. Ш. Шамиева отмечает большую работу, проведенную советскими уйгуроведами в области изучения уйгурского языка и литературы. В качестве важнейших проблем уйгурского языкознания автор выдвигает следующие: 1) исследования грамматического строя и словарного состава уйгурского языка; 2) изучение древнейших памятников уйгурской письменности; 3) изучение языка современных уйгурских писателей; 4) создание терминологических словарей; 5) изучение уйгурских диалектов; 6) борьба с пантюркизмом и панисламом в уйгуроведении.

Таким образом, в рецензируемом сборнике достаточно широко и разнообразно представлены важнейшие теоретические и научно-прикладные проблемы, связанные с развитием литературных языков Средней Азии и Казахстана. Несмотря на отмеченные выше недостатки, проистекающие в первую очередь от не изжитых до конца идей и представлений, порожденных антимарксистской теорией Н. Я. Марра, от слабого еще внедрения марксизма в языковедческую работу в Средней Азии и Казахстане, сборник «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке» свидетельствует о повороте внимания языковедов Средней Азии и Казахстана к серьезным и безусловно актуальным проблемам, вытекающим из марксистского учения о языке.

Э. В. Севортян

А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1951. 120 стр.

Хорезмийский язык — один из вымерших восточноиранских языков. На хорезмийском языке до усвоения языка тюркской системы говорило коренное население Хорезма — древнего культурного оазиса в нижнем течении Аму-Дарьи. Предположение об иранском характере хорезмийского языка до недавнего времени могло быть подтверждено лишь незначительным числом сохранившихся в различных исторических источниках хорезмийских имен собственных, календарными терминами, упомянутыми Бируни, и отдельными хорезмийскими словами, приведенными в сочинениях Истахри, Якута и Ибн-Фадлана.